

Илья Гусаров

Древний свиток кочевников

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelodami

Илья Гусаров

Древний свиток кочевников

«Автор»

2019

Гусаров И. А.

Древний свиток кочевников / И. А. Гусаров — «Автор», 2019

Приключения молодого русского ученого и его напарницы, которые в результате с изучения джунгарского артефакта попадают в Южную Америку середины XVIII века. Там они встречаются с двумя англичанами-аристократами. Теперь им всем вместе предстоит добраться до России. Книга о сражениях и романтике, об увлекательных и опасных приключениях, которые происходят с героями в Южной Америке, Китае, Индии и Персии. Отличительной особенностью произведения является полное соответствие историческим событиям, которые происходили в описываемое время.

© Гусаров И. А., 2019

© Автор, 2019

Илья Гусаров

Древний свиток кочевников

Глава 1

Москва. Наши дни.

День как день. Черета больных, унылых дней. Назойливое июльское солнце уже садилось за горизонт, но не желало сдаваться – отражалось в золотых куполах Новодевичьего монастыря и назойливо лезло в глаза.

Тимофей дрожащими руками потер виски, прислушиваясь к своему состоянию. Вроде отпустило. Переверел взгляд на бутылку – пива осталось ровно на один на глоток. С сожалением допил и отшвырнул пустую тару в кусты. Покопался в карманах, пересчитывая жалкие остатки наличности в металлических монетах. Разочарованно встал и поплелся вон из парка. Хотя нет. Вернулся, подобрал брошенную бутылку и донес до ближайшей урны. По дороге домой принял решение – всё, с завтрашнего дня новая, трезвая жизнь.

Прохожие, завидев высокого, широкоплечего, обросшего щетиной и небрежно одетого парня с затуманенным взглядом, спешили перейти на другую сторону дороги. Им и в голову не могло придти, что Тимофей Руссов вовсе не был алкоголиком. Всего лишь пару недель назад он имел в жизнь всё, ну, или почти всё, о чем может мечтать молодой человек его лет – любимую жену, хорошую работу, загородный дом и скромный, но весьма достойный «Вольво-S60». Да, он имел в жизни всё...

За две недели до этого.

То, что произошло ровно четырнадцать дней назад, в последний понедельник июня, не поддавалось абсолютно никакому логическому объяснению. Утром, пробившись сквозь пробки, Тимофей прибыл на службу, опоздав всего-то минут на десять. Ничего страшного в этом не было – обычное для Москвы дело. Со всеми случается.

Первое нехорошее предчувствие возникло в тот момент, когда Верочка, всезнающий референт директора, не ответила на его приветствие, сделав вид, что не заметила Тимофея. Раньше такого не случалось никогда. Второй звонок прозвенел уже в кабинете, где научный секретарь отдела Сережка Павлов, вместо дежурного «здорово» тревожно произнес полупотом:

– Тимофей Ильич, тебя Вячеслав Николаевич уж полчаса разыскивает. Злой как черт. Похоже, достанется тебе на пироги. Чего на сотовый-то не отвечал?

Тимофей полез в карман – телефона не было. Обычная история, забыл дома.

Серега злорадно ухмыльнулся. Похоже, ему вставляло от того, что решил называть начальника на «ты» – раньше он себе такого не позволял. Что-то было явно не так. Из обычного размерного течения жизни вылетел какой-то винтик, и неисправность надо было срочно найти и устранить. Поразмышлять на эту тему у него не получилось. Короткими звонками внутренняя телефонная линия разорвала тишину кабинета.

– Зайди! – рявкнул директор и бросил трубку.

Однако! Тимофей бегом спустился на этаж, и, не обратив внимания на хмурю секретаршу, вошел к шефу. В кабинете доктора исторических наук, директора Института востоковедения РАН Вячеслава Николаевича Наумова, стоял туман из табачного дыма, что было крайне нехарактерно для редко балующегося сигаретами профессора.

– Садись.

Тимофей послушно опустился на стул у приставки к гигантскому столу директора. Вячеслав Николаевич также опустил свой центнер в старомодное кресло. Поставил локти на стол и нервно сплел пальцы.

– Где деньги, Тимофей?

– Позвольте, Вячеслав Николаевич, какие деньги?

– Не дури!!! – голос профессора сорвался на визг. – Где деньги, выделенные на экспедицию в Каракорум!?

Тимофей недоуменно посмотрел на беснующегося руководителя.

– Вы прекрасно знаете, что деньги безналом переведены в Иркутск на счет компании господина Савельева. ООО «Южно-сибирская компания», кажется. Мы же с вами лично ее подбирали, созванивались. Директор произвел прекрасное впечатление. Я с ним связывался не далее как в прошлый четверг. Он заверил меня, что закупка техники и всего необходимого идет полным ходом...

– Э, да бросьте Тимофей Ильич, – директор перешел на «вы», что не предвещало ничего хорошего, затем сорвался на крик – это вы!!! Вы предложили именно эту компанию и этого, невесть откуда взявшегося Савельева. Я не имею к этому делу ровно никакого отношения. Ров-но ни-ка-ко-го!!! Вам, понятно?! Это вы предложили иметь дело с этим проходимцем! Он единственный, кто подал заявку на конкурс, хотя условия были ох какие ласковые. Вам, батенька, и расхлебывать!

– Да что собственно случилось?

– А то, дорогой мой человек, что я не знаю, как вы уж связывались с Савельевым в четверг, но в пятницу я поручил Семену Аркадьевичу позвонить в Иркутск и узнать как там дела с закупкой техники и оборудования. Вас ведь не было. Отгульчик взяли-с. Так вот, по телефонам этой фирмочки никто не отвечал. Мобильный телефон тоже молчал. Вы же знаете, что у Семена Аркадьевича есть свои люди в любом городе. Так вот, он связался с полицией и попросил уточнить некоторые моменты насчет ООО «ЮСК». Сегодня в восемь, у них там уже Бог знает сколько времени, пришел ответ. Читайте!

Профессор кинул на стол листок, полученный факсом.

«На Ваш запрос сообщаю, что ООО «Южно-сибирская компания» (далее ООО «ЮСК») действительно арендовало офис по указанному Вами адресу. 17 июня с.г. ООО «ЮСК» съехало из занимаемого помещения, не рассчитавшись с арендодателем. Установить новое местонахождение организации не представилось возможным. Данных о ведении какой-либо финансово-хозяйственной деятельности со стороны ООО «ЮСК» в налоговых органах Иркутской области не имеется. Паспорт на имя гражданина Савельева Петра Михайловича, 12.03.1971 г.р. указанной Вами серии и номера, считается утраченным (основание заявление гр-на об утере). На основании изложенного, можно сделать вывод, что ООО «ЮСК» является фирмой-однодневкой, зарегистрированной на подставное лицо. Число. Звание. Подпись».

Что за чушь! И причем здесь он, Тимофей Русов, начальник отдела Кореи и Монголии, кандидат наук, руководитель намечаемой экспедиции? Единственная его вина, заключалась в том, что, не желая дальнейшей затяжки экспедиции, Тимофей предложил отдать заказ на закупку техники и оборудования единственной, зарегистрировавшейся на конкурс компании. Тем более, что она предложила неплохие условия. Вопрос о проверке кредитоспособности фирмы не входил в его компетенцию.

Тимофей поднял глаза на своего руководителя и тут же в его душу закрались сомнения. Наумов, человек, в общем-то, прямой и честный обычно прямо смотрел в глаза собеседнику. Сегодня же поймать его взгляд не было абсолютно никакой возможности. Глаза профессора блуждали где-то в области пола, он давно уже покинул кресло и нервно расхаживал по кабинету, пытаясь трясущимися руками прикурить очередную сигарету.

– Вот что, батенька. Пишите-ка вы заявление по собственному желанию. Может и замнется скандал. Два миллиона рубликов это вам не шутка, тут даже ваш тесть не спасет.

И все это прозвучало как-то невнятно, убого, виновато. Нет, что-то здесь не так. Во всем надо разобраться. Русов встал и, не произнеся ни слова, покинул кабинет, оставив начальника в расстройстве и недоумении.

Спустившись во внутренний двор института, Тимофей закурил, попытавшись успокоиться. Первым делом, наплевав на предостережения профессора, надо позвонить тестю – светочу российской историографии, академику РАН и еще десятка самых уважаемых иностранных академий. Так, где он у нас сейчас... Если не изменяет память во Франкфурте. Телефон... Черт, вот незадача, телефон то забыл дома. Возвращаться в институт абсолютно не хотелось.

Тимофей сел в машину и погнал в Кленово, где в прохладе соснового бора спрятался их с Катюшей уютный особнячок. Еще два часа в пробках и он дома.

Дверь в спальню нараспашку, на полу Катюкино бельё и чужие мужские штаны. Стоны, вздохи, скрип кровати. Ужас на симпатичной, совсем еще недавно такой дорогой мордашке жены.

А дальше была бешеная гонка по опустевшему к обеду городу, старая холостяцкая квартира, бутылка водки и совершенно нехарактерный запой на две недели.

Он не ответил ни на один звонок, ни на одно электронное сообщение – отрезал все пути.

Всё, с завтрашнего дня новая жизнь! Тимофей зашел в подъезд, поднялся в квартиру и завалился спать, пока пиво не отпустило голову, и организм еще мог жить, не выворачиваясь наружу с требованиями новой порции алкоголя.

Маленький, неприметный человек с крошечным песиком на поводке, неизвестно как забредший в чужой двор, поднес к уху телефонную трубку и произнес:

– Похоже, клиент созрел. Думаю можно приступать ко второму этапу.

Утро оказалось не таким отвратительным, как ожидалось. Тимофей нашел в себе силы убраться в квартире и принять ванну. К обеду вызрел аппетит, что само по себе, в общем-то, не плохо – организм выздоравливал. Хуже то, что утолить вызвавшийся желудок было нечем. Абсолютно нечем.

Закурив последнюю сигарету, Тимофей задумался над тем, сколько человек может протянуть без пищи. По всему выходило, что начинать поиск новой работы надо было уже сегодня.

Включив компьютер (кто бы мог подумать, что старичка когда-то придется беспокоить), Русов зашел в Интернет. За две недели скопилась масса почты. Спам, послания от жены, от тестя, с работы – Delete. В папке «Входящие» осталось одно непрочитанное письмо, доставленное пару часов назад. Господи, какой витиеватый текст:

«Здравствуйте, уважаемый Тимофей Ильич. Позволю еще раз напомнить о себе и поинтересоваться, не изменили ли Вы своим намерениям отказаться от предлагаемой мной работы? В силу своей заинтересованности, я не выпускал Вас из виду и слышал, что у Вас возникли некоторые затруднения в институте. Смею заверить, что данный факт никоим образом не отразится на предлагаемом мной гонораре. Более того, я даже готов увеличить сумму вознаграждения в случае Вашего согласия взяться за мою проблему. С уважением, Алдар Батоев».

Так, так, так. Дай бог памяти. Точно! Два месяца назад привязался к нему странный тип, не то монгол, не то калмык и пытался заинтересовать какой-то работой на стороне. Толком ничего объяснить не хотел, настаивал на эксклюзивности своей информации и необходимости уйти из института, чтобы организовать частную экспедицию в Алтайские горы. Что-то связанное с легендами Зая-Пандита. Интересно, но не настолько, чтобы отказаться от карьеры и экспедиции к развалинам Каракорума.

М-да, очень своевременно. Вопрос, удобно ли позвонить прямо сейчас. Посмотрел на себя в зеркало. Помят, конечно, но прогулка пойдет на пользу, да и аванс неплохо бы попросить. Голод уже брал за горло.

Тимофей решительно взял телефонную трубку.

Тот же день. Вечер. Борисоглебский переулок.

Квартирка, куда пригласили Тимофея, по странному совпадению (совпадению ли?) расположилась в особнячке XIX века, аккурат по соседству с посольством Монголии. Особый колорит зданию придавало его первоначальное предназначение. Года три назад молодой ученый на пару месяцев всерьез увлекся топонимикой Москвы. Теперь смутно вспоминалось, что построен этот дом был каким-то купчиной для хосписа. Не то, чтобы Тимофей очень уж боялся покойников, окончивших свой век в страшных мучениях, но выбор апартаментов, вкупе с душными московскими сумерками, наводил на нехорошие, замешанные на сатанизме мысли.

Впрочем, квартира поразила еще больше. Началось всё с того, что дверь ему открыл вообще непонятно кто – то есть дверь-то открылась, обнаружив за собой просторную прихожую, но абсолютно непонятно, кто стоял за этим действием. Поразмыслив секунду над данной чертовщиной, Тимофей все-таки вошел внутрь и тут же попятился от открывшегося перед ним зрелища. Из глубины квартиры, вывалив язык и тяжело дыша, вышел огромный совершенно черный и лохматый зверь неведомой породы и уставился на молодого человека. Коленки слегка задрожали, но что удивительно – страх тут же исчез, причиной чему, несомненно, был взгляд чудовища – умнейший, абсолютно человеческий взгляд.

За спиной раздался звонкий смех и дверь захлопнулась. Тимофей резко обернулся, зверь недовольно хрюкнул.

Девчонке едва ли исполнилось двадцать лет. Обтягивающий топик и короткие шорты подчеркивали красоту ее линий – стройна, высока, смугла. Воронье волосы по пояс, крутые скулы, высокий умный лоб – настоящая принцесса из рода Чингизидов. Но больше всего поражали раскосые азиатские глаза – все в задорных искорках веселья и что совсем уж странно – зеленые.

– Вы уж простите Юмжану, Тимофей Ильич, – негромкий голос вернул гостя к действительности. – Позвольте представить моя племянница – Юмжана, а чудище это Шоно, тибетский мастиф. Они на пару очень любят шутить и пугать гостей, что, конечно, совершенно непозволительно. Меня же зовут Алдар Джангарович.

Речь принадлежала крепко сбитому мужчине монголоидной расы, встрече с которым ученый, в свое время, так легкомысленно не придавал никакого значения. На вид монголу было лет сорок пять – пятьдесят. Если два месяца назад Алдар Джангарович показался человеком мягким и даже немного подбострастным, то сейчас что-то в нем неуловимо изменилось, и изменилось ой как не в лучшую сторону. Рот его улыбался, но в глубине восточных глаз, где-то совсем на дне, разглядел Тимофей капельку презрения. И что самое обидное, презирал монгол его, человека, которого пригласил себе в гости, на помощь которого рассчитывал.

Алдар Джангарович, меж тем, провел гостя в кабинет, обставленный помимо чаяния в обычной европейской манере. Попросил племянницу приготовить чаю, уселся в кресло, пригласив гостя последовать примеру.

– Спиртного не предлагаю, разговор у нас будет слишком серьезным, чтобы дурманить голову крепкими напитками.

Почудился ли Тимофею намек в этой фразе? Непонятно. Надо признать, что по-русски говорил хозяин правильно, почти без акцента, но опытный лингвист, пожалуй, уловил бы в его произношении легкий восточный налет.

– Что ж, у меня нет желания ходить вокруг да около. Для начала, Тимофей Ильич, мне хочется, чтобы вы поняли, я человек далеко не бедный и при желании могу купить десяток ученых, которые с огромным удовольствием согласились бы работать на меня. Проблема заключается в том, что мне нужен специалист, который бы одновременно разбирался в учении школы гелуг, старомонгольской письменности и истории ойратских племен. Лучшим специалистом в мире, как выяснилось, оказался Черниховский Арнольд Эммануилович. Он был очень сложным человеком, но, в конце концов, мне удалось его уговорить.

Калмык усмехнулся, увидев изумление Тимофея.

– Да, молодой человек, мне удалось его уговорить, хотя не скрою, пришлось очень постараться. Поверьте, когда вы узнаете, что я предлагаю, какие возможности открываю, вы еще пожалеете об упущенных деньгах. Ну да ладно. С Черниховским мы проработали всего несколько дней. И надо же было такому случиться, что в конце апреля душа его решила подыскать себе новую оболочку. Но перед смертью, а он чувствовал её приближение, старик настойчиво рекомендовал мне в дальнейшем иметь дело только с вами, как с лучшим специалистом в своей области.

Тут уж у гостя и вовсе глаза на лоб полезли. Старик Черниховский слыл человеком крайне нелюдимым. Однажды Тимофей попытался завязать с ним отношения. До сих пор он покрывался краской, вспоминая, как на вежливую просьбу о встрече и консультации, эксцентричный ученый откровенно послал его коротким русским словом. Однако, экспертом в своей области Черниховский был непревзойденным. На его научных трудах выросло, пожалуй, уж и не одно поколение востоковедов. При этом известно о старом еврее было немного – университеты свои он закончил в Карагандинском исправительно-трудовом лагере, где по слухам, близко сошелся со Львом Гумилевым. Был реабилитирован в хрущевскую оттепель, после чего следы таинственной биографии Арнольда Эммануиловича терялись на двадцать лет, когда, в середине восьмидесятых, в свет вышел его первый трактат о философии молчания Будды. С тех пор раз в два-три года из-под пера этой загадочной личности выходила новая монография, становившаяся сенсацией в узком кругу специалистов по буддийской философии. Если Черниховский действительно рекомендовал Тимофея, это много стоило.

Меж тем, выдержав паузу и насладившись изумлением гостя, Алдар Джангарович задал центральный вопрос беседы:

– Так что ж, Тимофей Ильич, согласны ли вы теперь работать со мной?

– В чем же будет заключаться моя работа?

– Нет, мой юный друг, ответить на этот вопрос я смогу лишь получив ваше согласие и честное слово, что вы безусловно обязуетесь хранить все в тайне. Более того, сразу хочу предупредить, что если мы договоримся, вам придется переехать за город и на какое-то время забыть об обществе посторонних лиц.

– Однако...

– Не торопитесь с ответом. Давайте выпьем чаю, а я, тем временем, расскажу вам, с чего началась вся эта история.

Как раз в этот момент дверь открылась и в нее сначала протиснулась лохматая морда Шоно, затем все тело медведеподобной собаки. Следом вошла хозяйка, держа в руках поднос с двумя дымящимися чашками. Пока Юмжана шла к столику, Тимофей глаз не мог оторвать от её ног.

– Спасибо, девочка. А сейчас оставь нас. Мужчинам надо поговорить.

Когда племянница вышла из кабинета (верный пес следом), монгол взял чашку, сделал глоток зеленого чая, пожевал губами, словно пробуя его на вкус. Оставшись, довольным, приступил к делу:

– Тимофей, разреши я так буду обращаться к тебе, все-таки возраст позволяет. Видишь ли, я человек очень и очень не бедный. И я ойрат. Да, да – не бурят, не просто монгол, а именно

ойрат. Мой род ведет своё начало от Эрдэни-Батура, тебе, несомненно, знакомо это имя. Лет пятнадцать назад, едва начав неплохо зарабатывать, я стал собирать все предметы, мало-мальски касающиеся истории ойратского народа. Сначала это было оружие и доспехи. Поверьте, мне удалось собрать очень и очень неплохую коллекцию. Когда-нибудь я тебе ее обязательно покажу. Позже я расширил круг своих интересов. Меня все больше и больше увлекала история моего народа. Я стал собирать разнообразные письменные свидетельства о жизни ойратов. Естественно, что более всего меня интересовала история Джунгарского ханства. Я не буду подробно останавливаться на том, что, где и как мне удалось обнаружить. Тебе гораздо важнее знать, что в начале этого года архивариус Бийского краеведческого музея, а я доплачивал ему на всякий случай, обнаружил где-то в закромах хранилища папку с документами. Как уж она попала в музей и почему пылилась в подвале с начала прошлого века, отдельная история. Скорее всего, до революции руки не дошли, а после уж и дела никому до неё не было. Я так даже рад, что не один историк на неё не наткнулся. Так вот, несколько прелюбопытнейших документов оказалось в папочке. Настолько любопытных, что Черниковский, ознакомившись с одним из них, не устоял от соблазна, а уж на что чудак-человек был. Отличный чай, между прочим, зря не пьёшь.

Тимофей взял чашку и сделал глоток. Чай и правда оказался отменным – с легким, чуть вяжущим привкусом.

– Что ж, вы меня очень заинтересовали. Мне хотелось бы узнать некоторые подробности и объем работ, который мне необходимо будет выполнить. Тогда я смогу назвать стоимость своих услуг. Если вы гарантируете, что в мероприятии нет ничего незаконного, я готов подписать договор о неразглашении информации хоть сейчас. Кроме того, как вы верно заметили в письме, в настоящий момент я абсолютно свободен и готов переехать в ваш загородный дом.

Напольные часы неожиданно ожили каким-то неприятным тревожным боем. Тимофей вздрогнул, сказывались подорванные запоем нервы. Батоев вдруг нагнулся и успокаивающе положил руку на плечо молодого ученого. Он улыбался, морщинки собрались вокруг отеческих глаз, зрачки расширились, поглощая в себе Тимофея. Когда часы отбили одиннадцать ударов и успокоились, Батоев сказал:

– Зачем тебе ехать сегодня в пустую квартиру. Оставайся. Завтра поедем за город. Все необходимое тебе купят.

Тимофей остался. Ни воли, ни желания отказываться у него не возникло.

Глава 2

Западная Бенгалия. Берег реки Плесси. 23 июня 1757 г.

– Curse – одним словом полковник Клайв выразил все то, что он думал о сегодняшнем дне в частности и об этой стране в целом.

Определенно, прямо на глазах рушились все его планы – на карьеру, на богатство, на титул пэра империи и обеспеченную старость, черт бы её побрал. Стоило ли продирается столько миль по джунглям, штурмом выбивать лягушатников из Чандернагора, потеряв при этом почти треть отряда и в результате так бездарно угодить в ловушку, расставленную коварным навабом Бенгалии.

Полковник, в который уже раз навел подозрную трубу, подаренную адмиралом Уотсоном, на порядки неприятельской армии. Забрал бы морской дьявол и самого адмирала и всю его эскадру! Где, спрашивается, обещанный отряд королевской морской пехоты, который должен был еще вчера соединиться с основными силами? Где корабельные пушки, призванные усилить огневую мощь английского экспедиционного корпуса?

Армия, находящаяся менее чем в миле от боевых порядков англичан, выглядела более чем внушительно. По центру Сирадж уд-Даула выстроил сто облаченных в доспехи боевых

слонов, поддерживаемых по флангам отрядами легкой конницы, численностью, пожалуй, не менее шести тысяч сабель. За главными атакующими силами расположились нескончаемые цепи пешего бенгальского воинства. Более же всего Роберта Клайва волновали три батареи по дюжине пушек в каждой. И Бог бы с ними с пушками – известно, что туземцы не умеют ими толком пользоваться. Беспокоило, как грамотно они были дислоцированы относительно англичан, а главное, и полковник был уверен в том, что не ошибся, он смог разглядеть около них пару-тройку французских мундиров.

Полковник в ответ этой громаде мог выставить лишь тысячу отборных английских солдат, выстроившихся в две образцовые цепи, восемь двенадцатифунтовых орудий и вспомогательный отряд в пару тысяч сипаев, которые, по его глубокому убеждению, должны были пуститься в бегство, как только Сирадж уд-Даула отдаст своей армии приказ об атаке. Впрочем... был у англичанина в рукаве козырь о котором знали лишь два человека, он сам и еще один, который в этот момент находился по другую сторону огня.

Первый оружейный залп бенгальской артиллерии не нанес ощутимых потерь, но привел к ожидаемым результатам. Сипаи завизжали, как стадо йошкирских свиней, побросали оружие, попадали на землю, и, выставив зады, начали отползать от позиций.

Тут же взвыли боевые трубы неприятельской армии, ударили барабаны. Слоны, понукаемые копиями и кинжалами махаутов, рысью пошли в атаку, пришла в движение вражеская конница.

– Целься по слонам! Огонь!

В подзорную трубу полковник видел, что одно из ядер разорвалось прямо под брюхом серого великана, вырвавшегося чуть вперед из основного строя. Передние ноги слона подкосились, он полетел вперед через голову, разбрызгивая кровь и требуху и погребая под своей тушей наездника. Дикий предсмертный рев животного был слышан, наверное, на мили вокруг, но махаутам удалось не допустить паники. Строй сомкнулся – лавина неудержимо приближалась.

Грохот, как от сотни враз выстреливших орудий, разнесся над местом битвы. Роберт Клайв вздрогнул от неожиданности – туземцы, пусть даже обученные французскими инструкторами, не могли столь скоро перезарядить пушки. Шквал огня от залпа такой мощи должен был не оставить камня на камне от английских позиций. Полковник зажмурился, не желая видеть гибель своих людей, но... ровным счетом ничего не произошло. Ни одно ядро не разорвало шеренги недогнувших солдат, ни одно орудие не взлетело в воздух, разорванное огнем неприятеля. На несколько секунд над полем боя воцарилась мертвая тишина – ни выстрелов, ни ржания лошадей, ни звука вражеских труб и барабанов.

Командующий взглянул на небо. Огромная черная туча, никем не замеченная еще несколько минут назад, стремительно завладевала небесным пространством. Клайв на своем веку повидал немало тропических ураганов, но тот, что неумолимо надвигался со стороны моря на Западную Бенгалию, обещал превзойти их все по своей неукротимой мощи. Огромная вспышка рассекла тучу от верхнего края до горизонта и грохот, от которого заложило уши, во второй раз возвестил о неумолимом приближении стихии.

– Порох в укрытие! Марш! Марш!!! – заорал полковник.

Молодой лейтенант Стив Гаррисон, опомнившись от потрясения, выхватил шпагу и, размахивая ею как хлыстом, уже отдавал распоряжения своим пушкарям.

– Капитан Адамс, выделить людей в помощь лейтенанту Гаррисону! Остальным на землю! Закрывать телами ружья!

Солдаты, подгоняемые офицерами, споро тащили ящики к лагерю, разбитому позади основных позиций и складывали их под повозки – от сухого пороха теперь зависело, доживут ли они до следующего утра. К тому моменту, когда небо разверзлось топью, большая часть боезапасов была спасена.

Сирадж уд-Даула тоже не решился продолжать атаку в преддверии урагана. За минуту до начала тропического ливня трубы заиграли отбой, наступающая лавина замедлилась, остановилась и через мгновение исчезла за стеной обрушившейся воды.

Ураган неистовствовал три часа и закончился также внезапно, как начался, превратив спокойную то того Плесси в ревущий, сметающий все на своем пути поток. Пойма реки, в которой происходило сражение, сузилась вдвое и из изумрудного луга превратилась в серую, непроходимую топь.

Трудно было представить, что туземцы решатся продолжить боевые действия в таких условиях, но своенравный наваб вновь отдал приказ об атаке. Теперь уже наступающая громада не выглядела столь грозно. Слоны и конница, по колена утопая в грязи, медленно двинулись на позиции отряда Ост-Индийской компании.

– Порох из укрытий! Расчеты к орудиям! Пехоте подняться, приготовиться к бою! Орудия заряжай!!!

Полковник Клайв уже понял, что фортуна вновь дает ему шанс. Вражеские пушки молчали! Чертовы лягушатники не научили туземцев держать порох сухим.

– Отставить! Не стрелять! Подпустить их на полвыстрела!

Прошло добрых четверть часа, пока атакующие колонны преодолели половину дистанции, отделяющей их от англичан.

– лейтенант Гаррисон! Задайте жару!

– Расчеты готовьсь! Огонь!!!

Первый же залп привел к ошеломляющим результатам. Ядра врезались в слонов, в гущу малоподвижной конницы – дикое ржание и рев искалеченных животных смешался с предсмертными криками покалеченных, раздавленных наездников.

– Готовьсь! Огонь!!!

Фонтаны грязи от разрывов смешались с кровью, кишками, оторванными конечностями людей, коней, слонов. Но туземцы продолжали движение вперед. Втапывая в грязь своих раненных и убитых, наступающая лавина преодолела уже три четверти пути и готова была смести все на своем пути. Уже не нужна была подзорная труба, чтобы видеть искаженные от ярости лица туземцев, отчетливо слышны были полные ненависти крики – казалось, что самая жуткая расправа, какую лишь можно придумать, близка и неотвратима.

В этот критический момент полковник взял управление огнем на себя.

– Орудия готовьсь! Солдаты – ружья на изготовку! Первая шеренга цельсь! Одновременно, по моей команде... Огонь!!!

Противник остановился, наткнувшись на стену огня полутысячи ружей и восьми пушек. Первые ряды конницы и половина выживших в этой мясорубке слонов остались без наездников.

– Орудия готовьсь! Вторая шеренга, передать ружья первой, снарядить разряженные! По моей команде, первая шеренга, пушки... Огонь!!!

Слоны и кони вставали на дыбы, пытаясь укрыться от сотен несущихся в них жал. Лишившись наездников вся эта израненная, разъяренная животная масса сделалась совершенно неуправляемой.

– Полковник Клайв! Пороха и зарядов осталось на два залпа! Положение критическое! – кричал лейтенант Гаррисон, вытирая рукавом закопченное лицо. В глазах офицера, впервые попавшего в серьезную переделку, метался страх.

– Отставить панику! Огонь!!!

Спасаясь от неминуемой смерти, огромные животные развернулись и бросились назад, превратившись в грозные орудия убийства для своих же воинов. Лишившись управления, вслед за слонами повернула назад и конница, сбивая и давя копытами пехотинцев, до этого наи-

менее пострадавших от огня англичан. Ужас охватил вражеское войско. В считанные секунды огромная армия превратилась в жалкую, неуправляемую толпу.

Сирадж уд-Даула попытался поднять в бой свой единственный резерв – гвардию, возглавляемую Мир Джафаром и состоящую исключительно из раджпутов. Но эти бесстрашные воины, вместо того, чтобы броситься в бой и продемонстрировать бесстрашие тигров, неожиданно повернули свои копыта вспять. Наваб не успел опомниться, как оказался в плену у изменников.

Это и был тот самый козырь, на который так рассчитывал перед боем командующий английским отрядом.

– По отступающему противнику! Дружно! Огонь!!!

В командах полковника звучал уже гимн победы.

– Капитан Адамс! Приступить к преследованию! Достаньте мне этого поганца наваба, ребяты! Уильям, коня!

Приняв поводья от денщика, командир медленно двинулся вслед наступающим шеренгам. Породистый арабский жеребец брезгливо переступал через трупы туземных воинов и недовольно передернул ушами, когда мимо с дикими криками пробежала толпа сипаев, до этого прятавшихся на безопасном удалении. Теперь они почуяли огромную добычу. Эти дети природы безжалостно добивали раненных и, ковыряясь в грязи, до нитки обирали тела своих поверженных соплеменников.

Кинжал одного из них вознесся прямо перед мордой полковничьего коня, готовый пронзить очередную жертву.

– Отставить!

Сипай вскинул на полковника полный ненависти взгляд, но послушаться не поспел – бросился к другому поверженному врагу.

Что-то в лежащем на спине полуголом человеке показалось Роберту Клайву необычным. Он был грязен, чудовищно космат, высок, мускулист и страшно истощен. Многочисленные шрамы на теле свидетельствовали о чудовищных пытках, которые еще недавно пришлось пережить этому бедняге. Но при всем этом, сквозь свалывшиеся патлы проглядывали тонкие черты благородного человека. Белого человека.

– Уильям, посмотрите, жив ли этот бедняга.

Денщик нагнулся к распростертому в грязи телу.

– Да, сэр. Но, боюсь, это ненадолго.

– Тем не менее, Уильям, доставьте его врачу, пусть сделает все возможное. Все одно у него нынче не будет много работы.

Утро полковник Роберт Клайв встретил в глубокой задумчивости. Эйфория от победы прошла. Теперь ему предстояло решить весьма и весьма непростую задачу. Дело в том, что сразу после взятия Чандернагора к нему на прием напросился некий Биджай – уважаемый в городе торговец тканями. Этот самый Биджай рассказал, что у него давние деловые связи с командиром навабской гвардии Мир Джафаром еще со времен бытности того главным казначеем бенгальской армии. Мир Джафар, со слов Биджая, всей душой ненавидел наваба Сирадж уд-Даула и за определенные преференции готов был оказать англичанам поддержку в его низвержении. Полковник решил рискнуть. Чем черт не шутит. Он отправил Биджая в лагерь противника с секретным заданием.

За несколько дней до сражения торговец тканями вернулся и изложил предложения Мир Джафара. В разгар боя гвардеец обязался перейти на сторону англичан и убить ненавистного

наваба. За свои услуги он желал получить поддержку Ост-Индийской кампании в возведении его на престол Бенгалии. Со своей стороны, в случае прихода к власти, Мир Джафар гарантировал кампании право взимания подоходной подати и суда на значительной части провинции, а лично полковнику Клайву один миллион императорских рупий. Условия были более чем заманчивыми, полномочия от совета директоров компании у полковника имелись широчайшие. Биджай помчался в бенгальскую армию с гарантиями для изменника.

Сначала все складывалось более чем удачно, но как это часто бывает, грандиозный план начал рассыпаться из-за мелочей, которые невозможно предвидеть. Мир Джафар не подвел. В самый ответственный момент сражения его гвардейцы, давно уж недовольные скупостью наваба, отказались атаковать противника и пленили Сирадж уд-Даула. Мир Джафар тут же приказал им убить его, но раджпуты, беспощадные в бою, наотрез отказались лишать жизни беззащитного пленника и помимо воли своего командира приволокли его прямо в лагерь Роберта Клайва.

Это была неприятность. Да что там неприятность – самая настоящая проблема. Самовольно казнить жестокого правителя Бенгалии полковник не мог. Он даже усмехнулся, представив, какой бы вышел резонанс! К тому же столь резкий поступок мог не понравиться правительству Георга II и директорату Ост-Индийской компании, которым совершенно не с руки сейчас ссориться с Великим Моголом Аламгиром II, хоть и не имеющим фактической власти в Бенгалии, но номинально остававшимся её сюзереном. Определенно, при таком раскладе, этот ничемный император, под контролем которого остались лишь Дели и окрестности, переметнется на сторону французов.

Оставлять же Сирадж уд-Даула в живых никак нельзя. В любом случае, даже находясь в плену, он будет занозой в заднице британской администрации, а главное – прощай обещанный Мир Джафаром миллион. Вот такая дилемма!

За этими тяжелыми размышлениями застал полковника денщик Уильямс, прибывший с донесением от отрядного костоправа.

– Сэр, доктор велел доложить. Тот бедняга, которого вы приказали доставить к нему, пришел в себя...

– И что же?

– Перед тем как вновь впасть в беспамятство, он успел лишь произнести свое имя – Александр Берти.

– Как?!!

– Александр Берти, сэр.

Годом ранее. Из секретной личной переписки министра иностранных дел и военного министра Уильяма Пита и члена Калькутского совета Ост-Индийской компании Уоррена Гастингса.

«Уважаемый Уоррен. Это мое письмо является сугубо частным посланием и ни в коей мере не должно расцениваться Вами как какое-то прямое указание со стороны кабинета министров. Более того, мне очень бы не хотелось, чтобы оно сохранилось в деловых архивах компании, т.к. изложенная просьба имеет весьма деликатный характер.

Как Вы, наверное, знаете, одним из самых влиятельных членов нашей партии и, смею надеяться моим хорошим другом, является сэр Перегрин Берти, герцог Анкастер. У герцога имеется младший сын – Александр. Это подлинное несчастье дома Берти. Александр молод, горяч, а главное наделен совершенно неуправляемым характером и взрывным нравом. При всем этом, молодой человек (а ему едва исполнилось двадцать лет) имеет, несомненно, и поло-

жительные качества, такие как храбрость, верность родине и данному слову. Ко всему прочему он является любимцем своего отца.

Так вот, не далее как неделю назад, Александр вызвал на дуэль и убил некоего майора Стивенсона, который, по его мнению, недостойно отозвался о некоей даме.

Вы же понимаете сэр, что мы живем в цивилизованной стране, а не в какой-нибудь Франции, где каждый человечиска, считающий себя дворянином, может убить себе подобного из-за любого пустяка. Так вот, Александр должен бы быть судим и примерно наказан. Герцог Анкастер не перенес бы такого позора, и я позволил себе обратиться к сэру Томасу Палем-Холлсу, герцогу Ньюкасл, премьер-министру. Тот, в свою очередь, ходатайствовал перед королем за этого беспутного молодого человека. Его величество помиловал отпрыска старой дворянской фамилии, но строго указал отбыть ему за приделы Англии.

Так вот, я не могу что-то приказывать, но не могли ли Вы, дорогой Уоррен, пользуясь тем огромным влиянием, коим располагаете на территории колонии, оказать содействие этому мальчику в устройстве на первый офицерский чин в войсках Ост-Индийской компании. Тем более, что в Европе разгорается пожар большой войны, которая, несомненно, затронет и заморские территории, а при таких обстоятельствах, храбрый и образованный офицер будет весьма кстати.

С уважением, Уильям Питт, министр.
12/IV/1756.

P.S. Ни в коем случае моя просьба не означает, что Александр Берти должен пользоваться какими-либо привилегиями по сравнению с другими офицерами. Пусть мальчик понюхает пороху».

«Сэр, как Вы и просили, не указываю данную информацию в основном донесении о делах в колонии, а сообщаю отдельной запиской. Исполнить Вашу просьбу было совершенно не сложно. Александр Берти определен лейтенантом во вторую кавалерийскую роту, дислоцирующуюся в Форте Уильям.

С уважением, Уоррен Гастингс.
01/VI/1756.»

Официальное донесение королю Англии Георгу II от губернатора Мадраса.

«Ваше Величество! С огромным прискорбием вынужден сообщить, что армия только что занявшего престол наваба Бенгалии Сирадж уд-Даула, об алчности, жестокости и ненависти к англичанам которого я имел честь доносить Вам ранее, вторглась в приделы колонии. Главный удар наваб нанес по Форту Уильяма. Администрации компании и большинству мирных жителей удалось эвакуироваться в Мадрас. Наши солдаты доблестно защищали крепость. Очень многие отдали свою жизнь за Короля и Англию, но силы были неравны – 16 июня с.г. город пал. Те несчастные, которым удалось выбраться из крепости после ее занятия врагом, сообщают, что Сирадж уд-Даул жестоко расправился с нашими военнопленными и жителями, которые не успели выехать. Всех женщин он отдал своим солдатам на растерзание, а мужчин, числом 146 человек, заключил в камеру гарнизонной тюрьмы, размером 14 на 18 футов. К утру почти все узники умерли от жары и удушья. О судьбе выживших ничего не известно. Прилагаю список погибших и пропавших без вести офицеров.

Аргур Смитт, полковник, комендант крепости.
Перри Фаул, капитан.
Уильбур Хаури, лейтенант.
Александр Берти, лейтенант.

С величайшим уважением, губернатор Мадраса Пейси Рассел.
20/VI/1756.»

Лагерь англичан в одном дневном переходе от Мадраса. 02 июля 1757 г. Вечер.

С каждой милей, с каждым шагом, пройденным английским отрядом в сторону Мадраса, мечты Роберта Клайва о могуществе и богатстве наоборот удалялись, становились все более иллюзорными, словно покрываясь промозглым туманом, какой обычно приходит в Лондон в декабре. Полковник, силясь выиграть время, укоротил дневные переходы до шести часов. В часы отдыха, во время бессонных ночей вынашивал он план ликвидации плененного правителя Бенгалии, но кроме банального убийства в голову ничего не приходило. До Мадраса оставался один день пути.

За пологом шатра раздалось покашливание.

– Кто там?

– Вас желает видеть Мир Джафар, сэр.

– Зови! – прорычал Клайв.

Сейчас ему вовсе не хотелось видеть трусливого предателя, постоянного ласкающего полковника своими круглыми маслянистыми глазами и словно спрашивающего – ну когда же, когда же ты сдержишь слово?! Когда я буду навабом, душа моя? Тьфу, поганец. Полковник даже не удивился, когда узнал, что командир бенгальской гвардии держит в своем шатре маленьких мальчиков для любовных утех. Но обижать своего ставленника пока было нельзя.

– Приветствую, тебя о... – начал обычное свое приветствие Джафар, но Клайв раздраженно рассек воздух рукой, пресекая словоблудие, тем паче, выдаваемое на отвратительном английском.

– С чем явился, генерал, – это звание бенгальцу он придумал сам.

– Господин, я думал...

Клайв про себя усмехнулся, он очень сомневался, что Мир Джафар умеет думать. Хотя... выбился же он как-то в люди из простых крестьян.

– Ну?

– Завтра мы придем в Мадрас. Сегодня у полковника последний ужин. Приглашать всех английских офицеров...

– Я это и без тебя знаю.

– ...но! Приглашать так же Сирадж уд-Даула. Оставляй молодой английский офицер один с этой собакой. О, как англичанин ненавидит наваба!

Мир Джафар закатил глаза и поднял указательный палец выше головы, не находя английских слов, чтобы показать всю силу ненависти спасенного офицера.

Ого, а ведь в его словах есть смысл.

– Ступай пока, Джафар.

Клайв набил трубку и закурил. Что ж, пожалуй, очень и очень неплохая идея. Подленькая, конечно, но не плохая. Полковник решительно встал и вышел из походного шатра.

Александр Берти занимался гимнастикой. Голый по пояс, в одних лишь бриджах, взвалив на плечи ящик с порохом, он приседал возле госпитальной повозки. По смуглому крепкому телу бежали ручейки пота. Вот уже три дня, как молодой организм победил раны и позволил встать на ноги. Лишь заживающие на спине шрамы от плети, излишняя худоба да седые пряди, отчетливо выделяющиеся на вороных волосах, напоминали об ужасных физических и моральных страданиях, совсем недавно перенесенных молодым человеком.

Полковник остановился в нескольких шагах и залюбовался офицером, завидуя его силе и молодости. В душу закралось сомнения, в сердце впиалась иголочка совести.

– Добрый вечер, лейтенант, – сухо поздоровался Клайв, отгоняя предательское наваждение.

– Здравствуйте, сэр, – приветливо улыбнулся своему спасителю молодой аристократ.

– Я гляжу, вы уже почти здоровы.

– Да, сэр.

– Что ж. Завтра мы прибываем в Мадрас. Сегодня я планирую устроить офицерское собрание и последний ужин. Надеюсь у вас достаточно сил, чтобы посетить наши солдатские посиделки?

– Почту за честь, сэр.

– Тогда в восемь. Я распоряжусь, чтобы вам выдали парадный мундир и шпагу, лейтенант.

День, как это всегда бывает на юге, резко сменился тьмою. Ушла в никуда тяжелая влажная жара, уступив место ночной свежести, пронзенной тысячью тропических запахов и звуков – от стрекота фантастических насекомых. до рева загадочных хищников и стога их умирающих жертв. Настало время последнего ужина.

Стол был накрыт в просторной палатке английского командира. По случаю окончания похода полковник, ценитель редких итальянских вин, не поспешил и выставил на стол свои последние запасы кьянти и барбареско. Через час, когда настроение офицеров из официального перешло в состояние трогательное и душевное, полковник взял тост.

– Господа, – произнес он, – мне хотелось выпить не только за вас, моих друзей. Надеюсь, нам еще не раз доведется скрестить шпаги с неприятелем и вместе поднять бокалы за победу. Но доведется ли нам когда-нибудь еще раз побывать в таком славном деле, как недавно на Плесси? Сомневаюсь. Тот бой навсегда останется в наших сердцах. Однажды, господа, под городом Полтавой дикий русский царь Петр одержал победу над славным шведским королем Карлом. Наблюдателем от английской королевы в шведской армии был мой дядя, который вместе с несколькими генералами Карла попал в плен к москвитам. Царь Петр, празднуя победу, пригласил пленных и поднимал за них тост, называя учителями... Уильямс!!!

Денщик откинул полог и завел в шатер Сирадж уд-Даула – в парадном кафтане, при сабле.

– Так вот, господа. Я поднимаю тост за нашего учителя, поверженного в честном бою и предлагаю ему разделить наше скромное застолье.

С этими словами полковник одним махом опрокинул в себя бокал красного вина, остальные офицеры в недоумении последовали его примеру. Молодой наваб дико вращал глазами, не понимая ни слова. Один бокал упал на пол и звонко хрустнул под грубой подошвой.

– Убийца женщин и детей не будет сидеть со мной за одним столом. Защищайся, собака, – клинок сверкнул в руках у Александра Берти, остановившись в дюйме от глаза бенгальца.

Сирадж уд-Даула выхватил саблю из ножен. Несмотря на молодость, он считался одним из лучших фехтовальщиков Бенгалии. Но одно дело заниматься с учителями да лихо отрубать головы беззащитным рабам, другое встретиться лицом к лицу с солдатом, жаждущим твоей смерти. Уже в следующую секунду кровь фонтаном хлынула из пронзенного шпагой горла. Бывший наместник огромной страны с хрипом опустился на пол, пытаясь зажать рану руками, но ничего уж не могло его спасти. Через несколько мгновений, гроза Небес и сын Аллаха, испустил дух.

В шатре повисла тяжелая тишина. Первым пришел в себя полковник.

– Сэр, я вынужден буду подать рапорт. Вы ответите по закону за убийство пленного. До прибытия в Мадрас я попрошу вас сдать шпагу и не покидать госпитальной повозки. Лейте-

нант Гаррисон, позаботьтесь об охране. Уильямс, уберите тело. Господа, до завершения похода и во избежание неожиданностей, я попрошу не предавать сей факт огласке. К сожалению, я вынужден прервать ужин. Никого не смею больше задерживать.

Оставшись один, полковник выпил еще бокал вина, с прищуром посмотрел на черное пятно крови, засыхающее на настиле, и довольно усмехнулся.

Англия. Лондон. Ноябрь 1757 г.

Боль отступила также неожиданно, как и напала. Уильям Питт осторожно пошевелил пальцами. Боль не возвращалась. Только тогда он позволил себе облегченно вздохнуть. Нет, определенно, чертова подагра когда-нибудь сведет его с ума.

Министр тяжело поднялся из массивного кресла и подошел к окну кабинета. Унылая ноябрьская изморось неожиданно сменилась робким солнцем, игравшим бликами на серых булыжниках мостовой Уайтхолла. Все важные государственные дела на сегодня были вроде как закончены. Пожалуй, пора пить чай.

– Генри, – негромко позвал министр.

– Да, сэр, – секретарь бесшумно возник, словно из ниоткуда. Эта его особенность всегда поражала и даже немного настораживала министра, впрочем, она с лихвой искупалась услужливостью и непревзойденной эрудицией клеветы.

– У нас все на сегодня?

– Да, сэр... хочу лишь напомнить, что на чай приглашен герцог Анкастер.

– Как же, как же. Прекрасно помню.

– Сэр, не мое дело конечно, но осмелюсь предположить, что герцог будет просить за своего сына.

Питт поморщился. Он сам всё прекрасно понимал. Мысль о предстоящем разговоре испортила только что поправившееся настроение. Как же трудно ему будет сегодня отказать старому другу. Но Перегрин должен понимать, что дважды в одну реку не войдешь. В конце концов, он спасал уже Александра полтора года назад. О, как тогда был недоволен король. Теперь молодому Берти не отвертеться от Тауэра, ну не в Америку же его на этот раз посылать. Хотя... война, она на то и война...

– Сэр, – подал голос секретарь, – вчера я передал вам папку с документами. Не успели ли вы ознакомиться?

– Честно говоря, нет. А это срочно?

– Там лишь несколько листов. Отчет капитана Дживса об экспедиции к северо-западным границам империи Цин, что с севера граничит с Российской империей. Впрочем, капитану не удалось добиться хоть сколько-нибудь значимых результатов. Но не это волнует меня в первую очередь, сэр. К отчету Дживса приложен крайне любопытный документ, который никак нельзя оставить без особого внимания. Наш специалист доктор Джефферсон, который провел половину своей жизни в восточных владениях, из них несколько лет в каком-то Богом забытом монастыре в китайских горах, бился над его расшифровкой целый месяц. До приезда герцога Анкастера остался еще час, и мы могли бы с вами разработать определенный план, сэр. А в осуществлении этого плана нам может очень помочь сын сэра Перегрин.

Министр со злостью посмотрел на довольное лицо своего помощника. Что ж, тот поймал его на крючок старой дружбы. Питт вернулся в кресло, закрыл глаза и приготовился слушать. Когда секретарь закончил, всемогущий министр забрал документы из его рук и лично принялся изучать их, пожирая горящими от возбуждения глазами.

Англия. Дербишр. Поместье Хардвик-холл. Тот же день.

Всадник не жалел породистого берберийского жеребца, преодолев чуть ли не полкоролевства за день пути. Выносливый конь готов был уже пасть, когда молодой человек в парадной, изрядно запыленной офицерской форме, осадил его у роскошных ворот. На чугунной арке красовались два благородных оленя, удерживающих щит с короной и рыцарским забралом – герб одного из самых могущественных родов Англии – герцогов Девонширских.

Наездник спрыгнул коня, кинул поводья подбежавшему слуге и направился к дежурившему у ворот пожилому привратнику.

– Будь добр старина, доложи леди Элизабет о моем прибытии.

– Вас ожидают, сэръ?

– Нет, я только вчера с корабля и не мог заранее условиться о встрече. Ты уж заодно извинись за меня, голубчик.

– Не думаю, что мисс Кавендиш сможет уделить вам время, сэръ. Только намеренно она распорядилась никого не пускать к ней без предварительной договоренности, – всем своим видом привратник выражал крайнее неодобрение, как манерами молодого человека, посмевшего явиться в столь знатное поместье без предупреждения, так и фамильярностью его обращения.

Офицер недоуменно уставился в лицо старого прислужника – ну не предусмотрел он заранее такого досадливого препятствия.

– Вот что, голубчик, ты уж потрудись, пожалуйста. Доложи леди Кавендиш, что Александр Берти, сын герцога Анкастер, просит уделить всего несколько минут её драгоценного времени.

Титул отца подействовал. Непрístupный слуга, умудрившись не потерять лицо, удалился докладывать. Александр остался нервно мерить шагами площадку перед воротами. Впрочем, ждать ему пришлось недолго. Через несколько минут он увидел стремительно приближающуюся женскую фигуру позади которой маячила фигура привратника, тщетно пытающегося поспевать за госпожой.

Любой, кому доводилось столкнуться с Элизабет Кавендиш, дочерью лорда Чарльза Кавендиша, надолго запоминал эту встречу. О, девушку трудно было назвать красавицей. Да, фигура её была идеальна, черные волосы густы, а черты лица правильны, но жесткий взгляд, тонкий нос и плотно поджатые губы впитали в себя, кажется, весь аристократизм и высокомерие рода Кавендишей, начиная с судьи королевской скамьи сэра Джона, убитого при штурме Тауэра мятежниками Уота Тайлера.

Но мало кто знал, как обманчиво первое впечатление, как преображалось лицо девушки при улыбке, как доверчива и беззащитна становилась она в такие минуты.

– Идемте, – Элизабет даже не поздоровалась, как будто они расстались не более часа назад.

Девушка миновала ворота и быстро зашагала по внешней аллее, прочь от поместья. Александр устремился за ней.

– Извините, сэръ, я не могу пригласить вас в дом. Вы, наверное, слышали, что у нас несчастье. Да и отец наверняка не одобрил бы вашего посещения.

– Элизабет, какое несчастье? Что случилось?!

Девушка внимательно всмотрелась в его глаза.

– Разве вы не слышали? Мой брат Фредерик получил серьезную травму в Кембридже. Он пытался поймать разряд молнии, но не удержался и упал с верхнего этажа учебного корпуса. Он никого не узнает и не говорит, только плачет как ребенок, врачи считают, что ему немного осталось. Вы не представляете, какой это удар для отца. Папа так рассчитывал на Фредерика с

тех пор как, наш старший брат Генри бросил Кембридж и занялся своими опытами, полностью скрывшись от внешнего мира...

Элизабет остановилась, в ее глазах блеснула слеза, губы чуть дрогнули. Александр осторожно взял девушку за руку. Вверху что-то зашептали пожухшие листья красного клена, чудом ещё сохранившиеся на ветках. Но... уже через мгновение аристократка выдернула руку, и в её голосе зазвучал металл.

– Впрочем, разговор сейчас не о моей семье. Как вы могли так поступить?! Ведь, несмотря на все слухи о вашей смерти, я знала, я чувствовала, что вы живы и держала данное вам слово. А вы? Вместо того, чтобы с честью вернуться в Англию, вы зачем-то убиваете местного князька и вам снова грозит тюрьма. И это после того, как все было в ваших руках. Когда король и мой отец уже готовы были вас простить за прошлую дуэль, тоже непонятно зачем вами затеянную. После того, как я верила, надеялась, ждала. Сэр! Вы сами перечеркнули наше счастье.

– Элизабет, прошу, дайте мне только шанс поговорить с вами несколько минут. Перед тем, как мы расстанемся, я хочу рассказать, что произошло там в Индии. Клянусь, об этом не узнает больше ни одна душа. Но вы... Вы должны знать. Может быть, вы даже когда-нибудь сможете простить меня. После того, как бенгальский правитель захватил Форт Уильям, он приказал собрать всех захваченных англичан на площади. Нас было около трехсот человек, в основном мужчины, но были старики, женщины и дети. Он тут же приказал казнить всех стариков, их, к счастью, было совсем немного. Потом очередь дошла до детей. Их убивали на глазах у матерей, которых прямо в это время насиловали его солдаты. Потом он раздал всех женщин своим приближенным. О, у них очень ценятся белые наложницы. Нас же, полторы сотни здоровых мужчин, наваб приказал запереть в маленькую камеру гарнизонной тюрьмы с крошечным окошком под потолком. В рабы он решил взять только тех, кто доживет до утра. Я не буду подробно рассказывать, что творилось в камере, скажу лишь, что через час люди превратились в зверей, давя, рвя, кусая друг друга, все пытались лишь добраться до окна, чтобы сделать спасительный глоток воздуха. Наутро в живых осталось десять человек. Десять оборванных, обезумевших от жажды, но выживших человек, каждый из которых поклялся отомстить, чего бы ему это не стоило. Всего-то год рабства и унижений и вашему слуге выпал такой шанс. Вот и все, Элизабет. Простите меня и прощайте.

Александр поклонился, прощаясь, но Элизабет не отпустила его, удержав за рукав. (О, как он на это надеялся).

– То, что вы рассказали, несомненно, можно расценивать как оправдывающие вас обстоятельства. Что вы намерены предпринять?

– Сегодня мой отец встречается с министром Питтом. Там решается моя судьба. Но в любом случае, я хочу, чтобы вы знали Элизабет, в тюрьму я больше не пойду. Хоть убейте. Как только я получу сведения от отца, приму решение. Если положение дел будет неблагоприятным, уеду в Европу или Америку. Думаю, найду кому предложить свою шпагу. Вы поедете со мной, Элизабет?

Она взглянула на него, и опять зашелестел клен, и блеснула слеза, и губы тронула робкая улыбка. И исчезла надменная аристократка, уступив место молодой женщине, готовой идти за своим любимым на край света. Уже в этот момент всё было решено, но она нашла в себе силы сказать:

– А как же Фредерик, отец? Нет, нет. Ступайте. Мне надо подумать...

Лондон. Уайтхолл. Резиденция военного министра. Два дня спустя.

– Что ж, здравствуйте, молодой человек, – Уильям Питт холодно кивнул, даже не подав руки.

– Здравствуйте, сэра.

Начало не предвещало ничего хорошего. Похоже, отец обнадежил зря, или же хитрый министр обманул его, подарив надежду. Эх, надо было бежать вчера. Теперь шанс упущен. Александр взглянул в окно. Возле казарм конногвардейского полка начинался развод. Не исключено, что как раз в этот момент дежурный офицер отдает приказ сержанту направить наряд к резиденции правительства, чтобы взять под стражу сына герцога Анкастера и доставить в тюрьму.

Военный министр, кажется, уловил его мысли.

– Сэр, я надеюсь, вы понимаете, что мы встретились исключительно из моего уважения к вашему отцу. Сразу хочу чтоб вы поняли – поведение ваше, несмотря на все лишения, пережитые в плену, считаю недостойным. И если первая ваша дуэль еще может найти себе оправдание, поскольку на тот момент вы были человеком гражданским и совершенно неопытным, то офицеру британской армии никак не пристало обнажать шпагу перед пленным туземцем. Тем более ситуация представляется неприятной, что необдуманная ваш демарш мог нанести серьезный урон всей политике Британии в регионе.

Молодой человек склонил голову. Что ж, не привыкать – за последние полгода ему уже не раз приходилось слышать подобные речи.

– Рапорт полковника Клайва лег на стол королю, – продолжил Питт, – Его Величество распорядился предать вас военному суду и строго наказать. До приговора вы подлежите аресту и лишению офицерского чина.

Проклятье! На что он надеялся. Бежать! Бежать пока не поздно. Он не отдаст так просто свободу, хватит с него бенгальской неволи, черт побери. Оттолкнуть этого самодовольного чинушу и бежать. В Америку, в Гренландию, к дьяволу на задворки.

– Вчера я встретился с королем, – невозмутимо глядя на метания гостя, продолжил министр, – он ни в какую не был согласен с вашим помилованием. Он даже не желал слышать о направлении вас на театр боевых действий младшим офицером, боясь, что вы вновь начнете убивать пленных.

Александр вспыхнул. Но что он мог ответить. Уильям Питт замолчал, следя за реакцией собеседника. Мальчишка ему нравился. Несомненно взбешен, не хочет за решетку, но сдерживает себя, как подобает истинному аристократу. Прошлые дела тоже о многом говорят – смел, находчив, беспощаден к врагу. Из парня выйдет толк, если ему только удастся выжить там, куда планировал его послать всемогущий политик.

– Однако, я посмел взять на себя смелость предположить, что вы скорее попробуете себя в одном очень интересном и рискованном деле во славу короля и Англии, чем сгниете в тюремной камере, о чем и доложил Его величеству. Я не прав?

– Вы абсолютно правы, сэра.

Александр не сдержал улыбки. Да ловко же старый лис использовал его щекотливую ситуацию. Питт улыбнулся в ответ, сообразив, что визави раскусил его простецкую хитрость.

– Что ж, очень хорошо, что между нами не осталось недомолвок. Дельце, которое нам предстоит проверить, сынок, на самом деле очень м-м-м... небезопасное. А время на его исполнение не так уж много. Так что приступим к обсуждению прямо сейчас. Генри!

Помощник министра моментально возник в кабинете, раскладывая на столе огромную карту. Питт и Берти подошли ближе.

– Эта копия карты, которую пленные шведские офицеры составили для русского царя Петра тридцать лет назад. Более точных карт, к сожалению, не имеется, – пояснил секретарь.

Александр Берти вздрогнул. Что-то неприятное кольнуло его душу, при упоминании пленных шведов и царя московитов. Ах да, тост полковника Клайва, ужин в тропиках, так круто изменивший его жизнь.

– Нас интересует этот район, – Генри обвел указкой участок на карте, выделенный зеленым цветом – в подбрюшье азиатских владений Московии. Так называемое Джунгарское ханство. К сожалению, капитану Дживсу не удалось добраться до него. В любом случае, исходя из доклада Дживса, да и всех пребывающих из Маньчжурии торговых людей, нам вряд ли стоит надеяться, что маньчжурский император пропустит нас в этот район через свои территории. В последние годы он почти полностью закрыл свою страну для европейцев. С другой стороны, от нашего петербургского резидента поступили сведения, что русская императрица Елизавета приняла подданство многих джунгарских князей, бежавших от армии императора Хунли. Тогда становится совершенно непонятно, кому же теперь принадлежит спорное ханство, Московии или империи Цин. В любом случае, представляется единственно верным решением проникнуть туда именно через русские владения.

– И это ваша основная задача, лейтенант, – вставил министр, – но данное мероприятие тем более непросто, что сейчас, как вы знаете, наши отношения с царицей Елизаветой крайне сложны. Мы хоть и не находимся в прямом боевом соприкосновении, но состоим в разных лагерях. В любой момент союзнический долг может потребовать от нас выступить непосредственно против России. И вот тут, мой юный друг, в нашем с вами положении, есть некоторое преимущество. Генри, откупорьте, пожалуйста, бутылочку рейнского. Боюсь, с этой проклятой войной нам не скоро теперь предстоит выпить такого прекрасного вина.

Секретарь наполнил бокалы, мужчины расселись по креслам. Питт набил трубку и закурил. Никто не последовал его примеру, но в легком тумане хорошего табака, обстановка незримо, вдруг, изменилась – перестала быть столь официальной, одомашнилась как-то. Сумерки за стеклом сгустились, но никто не спешил зажечь свечи, любясь горящими поленьями, что весело потрескивали в жарко натопленном камине.

– Вам, Александр, предстоит переметнуться на сторону неприятеля, – продолжил министр, – о том, что на самом деле вы останетесь верны родине, кроме вас будут знать лишь четыре человека – король, я, Генри и ваш отец. Всё, это исчерпывающий список. Вам будет дана некоторая отсрочка от ареста. Потом король прикажет организовать погоню. Вам надо будет бежать и, соблюдая максимальные предосторожности, окольным путем прибыть в Петербург, поступить на службу к царице, благо мы постараемся распространить правдивые сведения о вашем конфликте с королем. Русские падки на громкие титулы и, думаю, вам легко удастся завоевать расположение Елизаветы. Рассчитывать придется только на свои силы – мы не сможем организовать вам содействие через наших агентов, незачем им знать, что вы работаете на правительство. Не дай Бог, кому из них доведется побывать в русских застенках. Мне рассказывали, что эти московиты прекрасно умеют обходиться с кнутом. Итак, продолжим. В течение шести месяцев, максимум года, вы должны заинтересовать русский двор в экспедиции в Джунгарию, которую сами и возглавите. Повторяю, это самая ваша главная задача.

– Но к чему всё это. Зачем какая-то забытая Богом Джунгария королю и Британии?

– А вот об этом, молодой человек, вы сейчас и узнаете.

Министр открыл папку, услужливо поданную секретарем, осторожно извлек документ, которому на вид было лет двести не меньше, и протянул его Александру. К документу прилагалась расшифровка.

– Ознакомьтесь и отнеситесь к информации со всей серьезностью. Подтверждение изложенного в этой грамоте и есть ваша основная задача. Ах да, надеюсь, не надо объяснять, что информация, которую вы сейчас получите, строго конфиденциальна и не подлежит разглашению ни при каких обстоятельствах.

Последняя фраза прозвучала не как вопрос. Скорее как распоряжение.

Глава 3

Подмосковье. Наши дни.

Усадьба Батоева располагалась не в каком-нибудь элитном подмосковном поселке, а в обыкновенной русской деревушке, расположенной километрах в пяти от шоссе на Санкт-Петербург, где-то под Клином. Добротный бревенчатый дом из бревен в человеческий обхват, прятался от людских глаз за высоким кирпичным забором. На территории усадьбы было очень уютно и живописно. Чего стоил только колодец, обложенный на кавказский манер камнем, и покосившаяся арба, из которой совершенно неожиданно выглядывали синие ирисы. Воздух после московского смога пьянил.

Тимофею в доме была отведена небольшая комнатка на мансарде, из которой открывался вид на покосившееся домики, удивительным образом до сих пор не раскупленные пронырливыми москвичами. За домами виднелась река, которая неширокой полосой, порой полностью покрытой лопухами кувшинок, протекала недалеко от батоевского забора.

Кроме Тимофея, Юмжаны, Шоно и самого Батоева, в доме обитал нелюдимый калмык, выполнявший роль прислуги на любой вкус.

Едва обосновавшись и отобедав, мужчины уединились на просторном балконе, вооружились кофе и приступили к работе. Перво-наперво, Тимофей и Алдар Джангарович заключили договор о неразглашении коммерческой тайны, после чего молодой ученый получил первый документ – отчет капитана Дживса об экспедиции к северо-западным границам империи Цин, исполненный педантичным каллиграфическим почерком на нескольких страницах желтой и хрупкой от времени бумаги.

«Военному министру, Его высокопревосходительству сэру Уильяму Питту.

Уважаемый сэръ. Исполняя Ваше поручение, 17 сентября 1755 года я и два моих помощника – лейтенант Дуглас и сержант Гибсон на корвете «Голова Быка» отбыли в османский порт Батоми. Наша главная цель – через турецкие, персидские и иные владения добраться до западных границ империи Цинн, составить политическое описание государственного устройства и установить связи с ханствами серединной Азии. Морская часть пути прошла без особых происшествий, но в турецком порту, несмотря на союзнические отношения Его Величества с Султаном Порты, а также усилия нашего торгового консула, мы столкнулись с некоторым непониманием местных властей, не желавших первое время предоставить нам свободный путь во владения персидского правителя Керим-хана. Связано это в первую очередь с восхождением на престол нового Высочайшего Османского падишаха Мустафы III. К слову сказать, по слухам новый султан человек весьма неординарный, ум его увлечен европейскими техническими достижениями, и я бы позволил себе рекомендовать чиновникам министерства особо присмотреться к этому правителю путем направления к нему как можно большего количества военных атташе.

К Рождеству отношения между Мустафой III и падишахом Керим-ханом неожиданно обострились и теперь получить разрешение на проезд в персидские владения совершенно не представлялось возможным. Тогда я принял рискованное решение отправиться в Бакинское ханство, с которым у османов было заключено длительное перемирие, что бы дальше через Хазарское море добраться до Хорезмского государства и продолжить выполнение миссии, возложенной на нашу экспедицию. Тем более выходило все удачно, что как раз в это время в Баку собрался большой торговый европейский караван, состоящий преимущественно из наших соотечественников и венецианцев.

Путь в Бакинское ханство пролегает через множество других мелких государств, которые в последние пятьдесят лет принадлежали то Османской империи, то персидскому государству, а в настоящее время ни от кого независимы. Управляются они местными князьками, каждый из

которых норовит себя сувереном и пытается взыскать налог с проходящих по его территории торговцев.

Откупившись взятками и потеряв до трети товара, лишь к началу марта добрались мы до Баку. Местность эта не раз уже описана как нашими торговцами, так и представителями военного ведомства. В силу притязаний московитов и декларируемой независимостью местных ханов, на мой скромный взгляд, было бы далеко не лишним завести политическое представительство Его величества на данной территории. Данный шаг усилил бы влияния Британии в регионе и способствовал налаживанию торговых связей. Это представляется тем более интересным, что буквально на каждом шагу тут выкопана яма, наполненная нефтью, которую местные жители используют в качестве топлива.

К Пасхе мне удалось добиться аудиенции у бакинского хана Мухаммеда, неглупого, в общем-то, человека, с которым можно иметь дело. Хан живо заинтересовался предложением вступить в дипломатические сношения с нашей великой страной, но был крайне удивлен, когда я высказал пожелание пересечь море и отправиться в Хиву. Однако, получив в подарок один из трех пистолетов работы господина Гриффина, инкрустированных золотой вязью и индийскими топазами, согласился определить меня на корабль с посольством, которое отправлял к тамошнему правителю.

Таким образом, всё сложилось как нельзя более успешно и уже в начале мая мы вместе с послами хана Мухаммеда прибыли в Хиву...»

Далее в документе отсутствовали несколько страниц, то ли изъятых Батоевым за ненужностью, то ли утерянных в водовороте времен. Как бы то ни было, почитать о результатах экспедиции Дживса в Хиву и Бухару Тимофею не удалось. Хотя, надо признать честно, текст его крайне заинтересовал. Вздохнув и отхлебнув остывшего кофе, молодой человек приступил к изучению завершающей и, похоже, самой важной части отчета.

«Только к началу зимы 1756 года мне и лейтенанту Дугласу, проявившему, кстати, изрядные способности к изучению местного наречия и служившему теперь толмачом, удалось завершить переговоры с Мухаммад Рахимбием и договориться о возобновлении нашей экспедиции. Мне предстояло принять решение, куда теперь наиболее целесообразно для Британского королевства направить наши помыслы. Собственно пути было два. Первый строго на восток в Кокандское ханство, по слухам имеющее уже дипломатические отношения с маньчжурами. Второй же путь лежал на северо-восток в Джунгарское ханство. Этот путь представлялся мне, несомненно, опаснее первого, так как пролегал через земли казахов имеющих постоянные военные столкновения с джунгарами, так что передвигаться бы пришлось через охваченные войной территории. Я совсем уже было склонился к мысли двинуться в Коканд, как к хану прибыл некий знатный казах с прелюбопытными сведениями. С его слов выходило, что император Хунли с огромным войском напал на Джунгарию, разбил армию хана и оставил за собой земли этого государства. Это обстоятельство радикальным образом повлияло на ход моих рассуждений и, в конце концов, я принял решение, что выступить необходимо именно в этом направлении. В своих помыслах я исходил из следующего: во-первых: находясь близ театра военных действий, я более подробно смогу оценить достоинства и недостатки китайской императорской армии. Во-вторых: возможно мне даже удастся проникнуть в лагерь императора, добиться его аудиенции, а может быть и дозволения сопровождать его в глубинные провинции империи. Кроме того, мне представлялся интересным и тот факт, что, завоевав Джунгарское ханство, император Хунли напрямую выходил на столкновение с русскими интересами. Здесь давно уже ни для кого не секрет, что московиты начали успешную экспансию в отношении пограничных государств и уже подчинили себе казахов Младшего и Среднего Жузов.

Итак, решение было принято, дозволение хана проследовать через его территории и конвой из пяти всадников получены, провизия закуплена. (Правда за разрешение и конвой мне пришлось отдать последний из коллекционных пистолетов Гриффина, а за провизию заплатить почти все имеющееся в наличие золото, так что я очень надеюсь, что в будущем нас будет вести лишь Господь Бог и Удача). Отпраздновав вдвоем с Дугласом Рождество, второе по счету за эту экспедицию, и навестив могилу бедняги Гибсона, мы выступили в поход.

Оказалось, что время для продолжения экспедиции выбрано нами очень удачно – погода стояла мягкая и совершенно отличная от той изнуряющей жары, что обычна для этих мест почти в течение всего остального года. За десять дней мы оставили за спиной триста пятьдесят миль, миновали Самарканд и дошли до города Ташкента. Этот большой торговый город заслуживает отдельного внимания. Ещё до недавнего времени он находился под властью Бухары, однако в силу её упадка обрел определенную свободу в управлении. Впрочем, пока благоприятствовала погода, мы не могли позволить себе длительную остановку, и в описании города я позволю себе ограничиться приложением к отчету путевых заметок лейтенанта Дугласа, который ведет их на протяжении всего путешествия, изрядно удобряя научными терминами и точными географическими координатами, которые исчисляет с помощью прибора Хадли.

Меж тем, по выходу из Ташкента, мы взяли курс уже строго на норд-ост, надеясь недели за три достичь моря, описанного в своих трудах господином Страленбергом. Кочующие на берегах этого моря казахские и джунгарские племена называют его Балхаш-Нор. Там я надеялся достичь уже западных владений маньчжурского императора и встретиться с его армией.

Через неделю мы достигли города Талас, где столкнулись с совершенно неожиданными трудностями. Как выяснилось, Талас относится уже к юрисдикции Кокандского хана и старший нашего конвоя, угрюмый человек по имени Мирза наотрез отказался заходить в город и сопровождать нас далее. Никакие уговоры и посулы не смогли заставить его послушаться приказа своего правителя. Единственное, на что он согласился, это помочь нам найти проводника и охрану. По счастью на дороге нам встретился пожилой кочевник по имени Куткен, который немного знал язык бухарцев и вместе со своим сыном вызвался проводить нас к границам джунгарских земель. За услугу свою он заставил меня заплатить все оставшиеся монеты, так как по его словам у моря было очень беспокойно, а зимняя дорога невероятно тяжела. Кроме этого наш новый проводник принудил меня поменять прекрасного арабского жеребца, подаренного хивинским ханом, на пару верблюдов, с его слов гораздо более пригодных для путешествия по зимней пустыне. Животные эти коренным образом отличались от ранее мною виденных представителей данного рода, так как оказались совсем невелики ростом и чрезвычайно мохнаты.

Как бы то ни было, 20 января 1757 года, обогнув стороной Талас, чтобы не иметь разговоров с местными чиновниками, я и лейтенант Дуглас в сопровождении всего лишь пары диких кочевников продолжили выполнение своей миссии. Особую трудность представляло то, что лейтенант едва мог общаться с нашим проводником, мне же их язык и вовсе оказался недоступным.

Ко всем нашим несчастьям испортилась погода. Теперь мы передвигались по голой пустыне, порывы зимнего ветра достигали порой невероятной скорости, буквально валя с ног все живое. И лишь наши верблюды безропотно продолжали путь. Я благодарил Бога, что Мирза еще в Бухаре уговорил нас закупить очень теплые халаты, которые только и спасали от холода и снежных бурь. Хорошо, если в день нам удавалось пройти пятнадцать-двадцать миль, некоторые же переходы были и того короче. Но, несмотря ни на что, преодолев все немислимые трудности, полуобмороженные и оставшиеся почти без провизии, к концу февраля мы достигли, наконец, высоких берегов залива Сарышаган – южной оконечности огромного озера Балхаш-Нора.

Тут сочту уместным привести небольшую справку о политическом положении края, где мы оказались. Сведения эти частично почерпнуты из бесед с различными образованными людьми, которых довелось встретить во время долгого пути из Бухары, а в большей мере из разговоров лейтенанта Дугласа с Куткеном, прожившим насыщенную жизнь и, несомненно, много чего повидавшем на своем веку.

Еще сравнительно недавно у казахов существовало свое могучее государство, которое, впрочем, как и многие другие в этом регионе, пришло в упадок. Обстоятельством сим не преминули воспользоваться воинственные восточные соседи казахов – джунгары, которые постоянно вторгались в пределы ханства, грабили его, а жителей либо вырезали, либо забрали в рабство. Самая страшная резня произошла лет тридцать назад. В тот год полчища джунгар вырезали десятки тысяч казахов и прокатились по ханству, уничтожая всех и вся на своем пути. Выжившие казахи называют то время Годом Великого Бедствия. У нашего Куткена в те годы была вырезана вся семья за исключением одного сына. Ему и сыну чудом удалось спастись, подавшись с немногими уцелевшими соплеменниками на юг, под защиту Коканда.

Вместо единого государства существуют теперь в этой местности три родовых образования – Старший, Средний и Младший Жузы. Зовутся они так не по принципу верховенства, а просто потому, что наследник Чингисхана Джучи разделил власть над родами, проживающими в его улусе таким образом, что южные земли достались старшему сыну Орда-Еджену, отсюда Старший Жуз. Северо-восточные и центральные земли Джучи отдал средним сыновьям Батыю и Берке, отсюда Средний Жуз. Западные земли – младшему сыну Моголу, отсюда Младший Жуз.

Каждый из Жузов управляется теперь своим ханом, однако в последние годы Младший и Средний Жузы приняли верховенство русского царя, тогда как Старший Жуз тяготеет к Кокандскому ханству. Те пустынные территории, которые нам пришлось пройти, принадлежали родам Старшего Жуза, а наш проводник, как оказалось, был одним из старейшин уважаемого на юге казахского племени дулат. Не удивительно, что, дойдя до моря Балхаш-Нор, я не долго колебался и решил огибать его по льду, придерживаясь южного берега, где кочевали дружественные дулатам племена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.